

Автор горизонтального времени

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Когда нет времени на свои внутренние сложности, не говоря уж о чужих. Толстые книги читали при советской власти. Тогда писатель занимал нишу учителя. А сейчас ситуация горизонтальная — все равны в одинаковой степени. И правда читателя стоит на одном уровне с правдой писателя. Сейчас нельзя учить. Нельзя демонстрировать духовные богатства. Их у читателя — выше крыши. Его надо развлекать историями. Подкидывать информацию, которую он сам расшифрует. Или не расшифрует. Полная свобода интерпретации. Читатель становится соавтором.

— А читателю это нужно? Может быть, его нужно вести за руку?

— Ведет история, рассказ, сюжет. А как он ее поймет — его дело.

— Твои предпочтения в прозе — перечисли романы и авторов, которые соответствуют твоим представлениям о современном романе.

жет, сколько глобальную метафору для описания окружающего мира.

— Ты ставил перед собой такую задачу в своих книгах?

— Нет. В моих книгах мне было важно передать ощущение сиюминутности нашей жизни, ее скоротечности, неувимости. Вместе с тем это спокойные книги, не тревожные.

— То есть ты не хочешь, чтобы человек, прочитав твою книгу, потерял покой: запил, сорвался с места, женился, бросил работу?

— Такие книги меня достали. Достала чернуха, достало расчесывание метафизических глубин, достали воспоминания о детстве, о том, как хорошо жилось при советской власти, достали претензии на философичность. Я не против Улицкой — абсолютно! — но иногда мне хочется просто почитать книгу. Без надрыва.

— Можно сказать, что твои романы — такая реакция на «беспокойные» книги?

Достала чернуха, воспоминания о детстве и о том, как хорошо жилось при советской власти

— Не надо изобретать велосипед, он изобретен. Есть европейский рынок романов и писателей, которые хорошо известны по публикациям в «Иностранке». Это Акرويد, Кутзее, Остер, Теру, Макьюэн, Фаулз, Мердок.

— Но ты ставишь в один ряд разных авторов! Макьюэн и Акرويد — да, они блистательные конструкторы, «механики». А вот Теру, Кутзее или Фаулз — у них кроме механики есть что-то, что поднимает их над остальными. Что?

— Я тебя понял. У них есть попытка найти не столько сю-

— Да. Мне жутко не нравятся такие писатели, как Макаинин. Для того чтобы прочитать его книгу, требуется усилие. Как критик я ее читал. Но как читатель — ни за что не стал бы. Увы, книги, которые назначаются главными нашим литературным истеблишментом, всегда трудные, вымученные описания. А я как читатель не хочу их душевного надрыва. Кто они такие, чтобы меня напрягать? Почему они считают, что имеют право меня напрягать? Я попытался написать книги, где читателю будет легко и свободно. Да, легко и свободно.

— Об «истеблишменте». Ты ведь состоишь в многочисленных литературных жюри, то есть разгребашь всю эту помойку. Пытаешься ли ты проводить свою политику в жюри?

— Всегда. Поэтому мои «выдвижения» идут «вразрез». Они никогда не получают премий. На «Нацбестселлер» я выдвигал Левкина и его «Голем». На «Аполлона Григорьева» — «Сами по себе» Болмата. Я выдвигал «Толубое сало» — не помню уж куда. То есть я отстаиваю книги, которые интересны мне как читателю, а не как критику. Так я бы сказал.

— О «премиальной» клановости. Не кажется ли тебе, что члены жюри наших премий и их номинанты только что вышли из одного ресторана и перешли в зал для раздачи слонов?

— Любая премия — это тусовка. Любое издательство — это тоже тусовка. Нормально. — Когда речь идет о «первом писателе», скажем, кафе «ОГИ» или какого-то издательства, то это первые писатели и поэты кафе и издательства. Тут все честно. А «Букер» или «Григорьев» претендуют на всероссийский масштаб. Как быть с этим?

— Теоретически, да, претендуют, но практически — нет. Ни там, ни тут никогда не победит автор из провинции. Автор должен принадлежать к какому-то клану и отрабатывать чьи-то интересы. И эти интересы — в столицах. Возьми Ольгу Славникову. Она была во всех списках, но пролетела по всем статьям. А роман-то «Бессмертный» — замечательный роман! На голову выше соседей по списку. Правда, теперь Ольга переехала в Москву, так что ее следующий текст обязательно получит премию.

— Но ведь география — это атавизм, прошлый век. Стремление в Москву старомодно, банально. Никто ведь не рвется в Лондон или Париж. Там, на «рынке европейского романа», писатель

давно предпочитает тихую провинцию. Неужели Москва так неизбежна? Вот ты — ты ведь участвуешь в литературной жизни из Челябинска. И ничего.

— Если бы я жил в Москве, никогда бы не написал три романа. Это я знаю точно.

— Недавно в Барнауле я беседовал с тамошним писателем Владимиром Токмаковым. Он считает, что сейчас пространство провинции гораздо интереснее пространства столицы. Как ты думаешь? Тем паче что в твоих «Едоках...» тоже описан некий провинциальный город Чердачинск?

— Он прав в том смысле, что у провинциальных топов действительно нет своего разветвленного литературного текста. Поэтому каждый автор изобретает собственную мифологию, пишет оригинальный текст. Он описывает метафизику места с нуля, отталкиваясь от себя.

— Но ведь это самое интересное.

— Это круто.

— О чем твой третий роман?

— Там две сюжетные линии. Первая связана со старой актрисой, которая начинает получать на свой ящик чужие душераздирающие письма. Она пытается разыскать их автора или адресата. Вторая связана с живым журналом, где люди в интернете ведут свои дневники. Девушка, героиня, на это дело подсаживается, ищет жеман, прозревает мировой заговор и так далее. И эти две истории как бы комментируют друг друга. Мне иногда кажется, что это один и тот же человек в разные периоды жизни. Старая актриса и девушка.

— Вот и в «Едоках...» у тебя речь идет от лица женщины. Откуда такая тяга?

— Женщины существуют странные и загадочные. Письмо — один из способов их познать.

— И что ты понял?

— Что они лучше мужчин. ●

Беседовал
Глеб Шульпяков